

МАРУСЯ КЛИМОВА

МАРУСЯ КЛИМОВА

БЕЛОКУРЫЕ БЕСТИИ

Москва
АСТ

УДК 821.133.1-31
ББК 83/3(2Рос=Рус)
К49

Иллюстрация на обложке *Марины Алев*

Климова, Маруся.

К49 Белокурые бестии / Маруся Климова. – Москва:
АСТ, 2015. – 416 с. – (Книга non grata).

ISBN 978-5-17-088512-1

Маруся Климова – писательница, имеющая репутацию маргиналки, нищееанки и декадентки. Ее книги неизменно вызывают у читателей самую непредсказуемую реакцию – от недоумения и возмущения до фанатичного преклонения – но никого не оставляет равнодушными. Хорошо известны также ее блестящие переводы Луи-Фердинанда Селина, Жана Жене и других французских радикалов. В 2006 году Маруся Климова была удостоена французского Ордена литературы и искусства. «Белокурые бестии» завершают автобиографическую трилогию («Голубая кровь», «Домик в Буа-Коломб»). Действие романа разворачивается в переломные для России 90-е годы, на которые Марусе Климовой без видимого напряжения удастся взглянуть с высоты конца Второго тысячелетия. Созданные писательницей образы новоявленных русских денди и трансвеститов, с легкостью меняющих свои маски и наряды, как нельзя лучше соответствуют атмосфере вселенского карнавала тех лет. Впервые изданный небольшим тиражом в 2001-м году роман «Белокурые бестии» сразу стал культовой книгой в кругу самых взыскательных ценителей отечественной словесности.

УДК 821.133.1-31
ББК 83/3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-17-088512-1

© Маруся Климова
© ООО «Издательство АСТ», 2015

*О братья мои, я слышал смех,
который не был смехом человека...*

Фридрих Ницше

* * *

У Маруси часто менялось настроение. Она просыпалась утром в каком-то неопределенном расположении духа, и это настроение постепенно приобретало некоторые очертания, и она решала, что сегодня она будет, например, строгой дамой, ученой, переводчицей. Она никогда не принимала такое решение сознательно, оно просто как-то формировалось в глубине ее подсознания, и тогда она становилась совершенно такой, как требовал этот образ, даже внешность ее изменялась. Строгая дама в очках, в простом темносинем платье, с портфельчиком, идет по улице, она сурово и с некоторым превосходством смотрит на всех окружающих, у нее есть для этого все основания, ведь она столько уже сделала для отечественной словесности. Если кто-нибудь обращается к ней с вопросом, она вправе воспринимать любой вопрос как дурацкий — а какие еще вопросы могут ей задать эти убогие люди, которые бегают вокруг в поисках неизвестно чего, озабоченные своими жалкими делишками. Она идет в библиотеку, там она будет читать умные книги, писать научную работу, может быть, даже и диссертацию — почему бы и нет, впрочем, она уже давно работает над научным трудом, пока что он у нее в голове, но скоро, очень скоро обретет строгие очертания и выльется на бумагу; в общей сложности он составит около пятисот страниц, а может быть, и больше. Но пока что его вовсе не обязательно записывать, она еще обдумывает свою работу.

Бывали дни, когда Маруся представляла себя влюбленной девушкой. Тогда в ее глазах и в лице появлялась радостная расслабленность, она не шла, а летела над землей, и все вокруг казалось ей прекрасным, она была способна понять всех и каждого и никого не осуждала. Даже если в общественном

транспорте кто-нибудь толкал ее или наступал ей на ногу, она улыбалась счастливой блаженной улыбкой, и даже если бы кто-нибудь обидел ее не случайно, а намеренно, она все равно не придавала бы этому ровно никакого значения — может быть, у этого человека случилось несчастье, его могли выгнать с работы, не заплатив ему зарплату, а может быть, у него неурядицы в семье, ведь его же нужно понять, он не виноват. Развевающийся платочек, небрежно завязанный на шее, болтающаяся сбоку сумочка — она как бы видела себя со стороны, и все ею восхищались, она была очаровательна, ей так и хотелось сказать всем прохожим: «Посмотрите на меня, какая я красивая и влюбленная!» И если они на нее смотрели, особенно когда она тоже ловила глазами их взгляды, состояние у нее постепенно становилось нервным, даже на грани какой-то ненормальности, и ее влюбленность плавно переходила в ненависть и злобу. И тогда она становилась злобной энергичной дамой, которая, если к ней кто-нибудь обращается с вопросом, может даже истерически заорать и завопить, и от ее голоса прохожий вздрогнет и отшатнется в ужасе, а она, раздраженно дернув головой, быстро отправится дальше своей дорогой по своим весьма важным делам. После того, как она один раз отвечала на вопрос визгливо и нервно, она уже весь день вела себя точно так же, она уже дергалась безо всякого повода, просто так, по инерции, и получала от этого некоторое удовольствие.

Иногда она воображала себя очень богатой дамой, одной из «новых русских», лицо ее становилось значительным и задумчивым, и эта задумчивость не покидала ее ни на минуту, она действительно думала, но думала она лишь о том, чтобы, не дай бог, кому-нибудь случайно не переплатить. Ведь у нее есть своя фирма, в которой работают наемные работники, она платит им очень мало, только чтобы те не умерли с голоду, и даже эти деньги часто выплачиваются с запозданием, просто потому, что сейчас в стране кризис, у нас же постоянно кризис, а в Саратове рабочим платят холодильниками.

Маруся вспоминала, как они со Светиком сидели в кафе, и там были его друзья, по его словам, это и были «но-

вые русские», какая-то особая порода людей — все они были очень задумчивыми и немногословными, они выражали свои мысли при помощи трех-пяти слов, больше им было не нужно. В основном, они объяснялись жестами, которые были приняты в их среде, понять их могли только посвященные, и Светик как раз и был именно таким «посвященным», он был прекрасно осведомлен обо всех их делах, знал, как нужно себя с ними вести. Все сделки у них, как правило, тоже заключались без слов, молча.

Приятель Светика, Джерри Смит, вообще-то, был русский, но имя у него почему-то было английское, он владел магазином при гостинице «Европейская», там делали расписные брошки, на него работал целый цех мастеров, а дома у него эти брошки валялись всюду — на полу, на подоконниках, даже все занавески были усеяны этими брошками, даже в туалете около унитаза было набросано несметное количество этих брошек, напоминавших больших черных жуков с блестящими узорными спинками. Джерри Смит почти всегда был занят, но примерно раз в неделю у него случался запой, он мог позволить себе расслабиться, культурно отдохнуть, и он пил, и пил, и пил, однако на первый взгляд невозможно было понять, пьян он или нет, но он хотел отдыхать по полной программе, просто оттянуться на полную катушку, а раз уж он начинал пить, то ему нужна была девушка, чтобы достойно завершить начатый день. Он пригласил Светика, потому что у него было очень много знакомых девушек, и еще он умел снимать девушек прямо на улице и где угодно. Светик пришел в узорном халате, надетом на голое тело, без трусов, сперва он предлагал в качестве девушки себя и все повторял:

— Джержка, давай я буду твоей женой? Я буду такой классной женой, такой жены ты нигде не найдешь! — и при этом все пытался схватить Джерри за ширинку, но тот упорно отводил его руку и бормотал заплетающимся языком:

— Отстань! Я сказал! Котенок, я тебя люблю! Но я сказал!

Светик на какое-то время отставал, но потом опять начал лезть. Светик хотел ужин в ресторане, он хотел с шиком проехать по Невскому, глядя на прохожих из окна тачки и окликаая знакомых, когда машина останавливается у свето-

фора. Джерри сидел и задумчиво смотрел в потолок, потом он достал свою записную книжку и стал обзванивать всех своих знакомых девушек, но их либо не было дома, либо они были заняты, никто не хотел к нему ехать. Светик сказал, что у него тоже есть знакомые девушки, и позвонил.

— Ой, Маринка, привет, дорогая! Ты где? Сидишь в кафе? Долго еще там будешь? Подожди, мы скоро подойдем. Я тебя познакомлю со своим другом, он такой классный парень, та-а-акой классный, ты сама увидишь. Ну ладно, до встречи. Целую.

Джерри молча смотрел на Светика сквозь очки, он был потный и красный, спутавшиеся курчавые волосы в беспорядке свисали на лоб, маленький красный носик блестел.

— Поехали, Джерри, сейчас я познакомлю тебя с девушкой!

— Надень трусы, — мрачно сказал Джерри, но Светик сделал вид, что это к нему не относится.

Они вышли, Джерри захлопнул за собой железную дверь, которая закрылась с таким грохотом, что содрогнулся весь дом. На Невском поймали машину, Светик пел: «Сколько раз спасала я тебя, не могу я больше, не могу...» Водитель косился через плечо и хмыкал. Внезапно Светик забеспокоился:

— Джерри, а ты что, карту дома оставил? Ты карту же забыл? Мы же в ресторан едем, Джерри?

Джерри молчал и загадочно улыбался. Машина затормозила у светло-зеленого Строгановского дворца, Светик, Маруся и Джерри вышли.

— Ну что, — сказал Джерри, обращаясь к Светику, — плати! Кто платить будет?

Светик скосил глаза вниз, на свои ноги, потом в сторону, на лице его появилось беспокойство, но Джерри не стал долго его мучить:

— Ну ладно, я пошутил!

Он достал из кармана светло-бежевых шорт комок сторублевки, осторожно вытащил одну и протянул водителю.

— Все! Я сказал! Куда?

Светик нежно взял Джерри под руку, прижался к нему всем телом, и так они отправились прямо через Невский, не обращая внимания на сигналы проезжавших мимо авто-

машин. Они вошли в Строгановский сад, почти все столики были заняты, вдруг Светик завизжал и бросился к какой-то тощей бабе, на ней было блестящее открытое платье на тонких ляпочках, в ушах бриллиантовые серьги, волосы были светло-русые, глаза голубые и блестящие, с расширенными зрачками. Они поцеловались. Светик немного поговорил с ней, Джерри же стоял в стороне, тихо покачиваясь, и осматривался вокруг. Вдруг Светик пронзительно закричал:

— Ой, Маринка, Маринка, привет! — и, схватив Джерри за руку, подтащил его к столику, стоявшему у самой ограды, за которым сидели две девушки: одна толстенькая и крепенькая, в черной прозрачной блузке, другая с задумчивым меланхолическим взглядом больших черных глаз и с маленьким плотно сжатым ротиком — это и была Маринка.

Светик подскочил к столику, они поцеловались с Маринкой, при этом полы его узорчатого халата распахнулись, и все увидели, что он без трусов, ниже круглившегося животика болтались маленький сморщенный член и два синеватых мешочка.

— Прикройся, урод! — громко и презрительно произнесла подруга Маринки. — Ты же просто какой-то городской сумасшедший. Ты думаешь, всем приятно рассматривать твои гениталии?

Светик сделал вид, что не слышит, однако халат запахнул.

— Это мой друг Джерри. Самый лучший друг... Ну что, Джерри, как тебе Маринка? Я же говорил, что она классная!

Джерри, внимательно осмотрев Маринку, кивнул головой. Маринка многозначительно улыбнулась уголком рта, но ее взгляд выражал полное безразличие. Светик схватил лежавшее на столе меню и начал его тщательно изучать.

— Ой, здесь есть лосось! Хочу лосося! — Слова Светика, вроде бы, адресовались Джерри, но тот молчал, никак не реагируя.

— Слушай, прикройся, а? Мне уже надоело на тебя смотреть, мне просто противно! Ты меня достал, понимаешь? — продолжала настаивать подруга Маринки.

Светик, ничего не отвечая, повернулся к Маринке:

— Слушай, Маринка, — заговорщически полупшепотом произнес он, — у тебя есть пять долларов? Одолжи мне, пожалуйста, пять долларов, я тебя очень прошу!

— Светик, — виновато ответила Маринка — у меня совершенно ничего нет. Вот только что я заплатила за себя и за подругу, и у меня не осталось денег.

Тут у нее в сумке зазвонил мобильный телефон, она извлекла его и, отвернувшись от Светика, интимным шепотом сказала:

— Да? Слушаю. Сейчас, подожди немного...

Она встала из-за столика, отошла в дальний угол двора и там довольно долго о чем-то говорила. Джерри смотрел на нее и давился от смеха, почему-то ему ее поведение показалось ужасно смешным.

Подруга Маринки с отвращением смотрела на Светика, который вдруг выскочил из-за стола и отправился на детскую площадку, где стояли деревянные лошадки и валялись разноцветные мячи. Он схватил один такой мяч и запихал его себе под халат, и в таком виде сел на лошадку, немного покачался, а затем стал разгуливать туда-сюда, изображая беременную даму. Джерри молча смотрел на него, подруга Маринки даже отвернулась, а все остальные посетители ресторана с некоторым удивлением наблюдали за этой сценой. Погуляв немного, Светик вернулся за столик, позвал официантку и заказал лосося, умоляюще глядя на Джерри. Джерри молчал, он не возражал, но и никак не ободрял Светика, он тоже начал изучать меню, и в конце концов изрек:

— Пошли отсюда.

— Как пошли? Ты что, Джерри? А как же Маринка? — Светик сделал томные глаза и изобразил на своем лице сладкую негу. — Маринка же расстроится...

— Есть здесь нельзя, — пробормотал Джерри. — Вот пить можно. Будем здесь пить. А есть здесь нельзя.

— Почему нельзя? А лосось? Ты знаешь, какой здесь классный лосось? Ты просто не пробовал!

Светику уже принесли большую тарелку с лососем, жареным картофелем, листиками зеленого салата и кусочком лимона. Светик тут же заказал еще и молочный коктейль, пояснив при этом Джерри:

— Ты же сказал, что здесь нужно пить. А я всегда тебя слушаю, для меня твое слово — закон. Ты же мой друг. Лучший друг.

Подруга Маринки тоже ела лосося, она внимательно рассматривала Джерри и вдруг, совершенно неожиданно, подцепив на вилку кусочек лосося и листочек салата, протянула ее через весь стол прямо ко рту Джерри.

— Попробуй! — сказала она, загадочно улыбаясь. — Попробуй! Увидишь, как это вкусно!

Джерри молча замотал головой из стороны в сторону, отказываясь открыть рот.

— Пожалуйста! — продолжала настаивать она. — Ну скушай! Тебе понравится!

Джерри, как бы загипнотизированный ее настойчивым голосом и вилкой, маячившей у самого его лица, медленно открыл рот, и она тут же быстро засунула туда кусочек лосося. Джерри с сомнамбулическим видом медленно начал жевать, а потом с трудом проглотил. Подруга торжествующе смотрела на него:

— Ну как? Вкусно? То-то же!

Тем временем вернулась и Маринка, она села рядом со своей подружкой, немного подумала и сказала:

— Ну ладно, мы пошли. Нам уже пора. У меня на Невском машина припаркована, оплаченное время уже прошло.

— Как? — всполошился Светик. — Куда это вы пошли? А нам без вас будет скучно! Смотри на Джерри, как он уже расстроился!

— Господи, что за урод! Да прикройся ты, кретин! — опять довольно грубо обратилась к Светику подруга Маринки.

Светик внезапно вышел из себя:

— Заткнись ты, толстый жирный бочонок, ты мне надоела! Я не желаю слушать тебя! Я тебя вообще не знаю! Кто ты такая?

— Светик ты что, не знаешь? Это же моя подруга Валя, ее папа возглавляет министерство оборонной промышленности Армении!

— Ну и что? А чего она ко мне цепляется? Что ей от меня надо? — плачущим голосом протянул Светик. — Я ей что, не

нравлюсь? Ведь меня же все любят, правда, Маринка? Меня невозможно не любить, вот спроси у Джерри!

Джерри же, до этого тупо молча смотревший на Светика и подругу Маринки, внезапно широко ухмыльнулся и громко произнес:

— Нет, я всех разведу! Всех вас разведу!

Светик уставился на него, ничего не отвечая.

— Я всех разведу! Спокойно! Молча!

Маринка и ее подруга встали, попрощались и направились к выходу на Невский. Светик, Маруся и Джерри остались втроем. Светик съел уже больше половины лосося, выпил коктейль и хотел еще заказать себе водки, но тут Джерри внезапно встал.

— Джерри, ты куда? А платить?

— Заплати, — произнес Джерри, собираясь уходить.

— Джерри, ты что, пошутил? Ты пошутил, да? У меня же ничего нет!

— Заплати, — повторил Джерри, оглядываясь по сторонам, как будто что-то потерял или забыл.

— Джерри, не шути так, мне сейчас плохо станет, я же вообще без копейки, я уже давно на мели, ты же знаешь!

Джерри внезапно расплылся в улыбке и достал из кармана кредитную карту.

— Котенок! Я пошутил! Ладно, давай!

— А правда Маринка хорошая девушка?

— Твоя Маринка — дерьмо! — внезапно сказал Джерри. — Она — полное дерьмо!

— Да? — переспросил Светик. — Действительно, она — дерьмо! Если так говорит мой друг, значит, она — дерьмо! Ведь ты мой друг, Джерри, и я люблю тебя больше всего на свете! Ты для меня дороже всех! А Маринка — дерьмо!

Вдруг раздался чей-то голос:

— Свет мой, привет! Ты ли это?

Светик тут же отвернулся от Маруси и с самой радостной из своих улыбок, раскрыв для объятий руки, направился к высокой стройной даме, одетой в светло-серое открытое шелковое платье с ниткой жемчуга на шее.

— Ой, Марьяша, дорогая, где ты пропадала? Сколько лет, сколько зим? Все у Версачче тусуешься?

Дама что-то стала шептать Светику на ухо, а он лукаво улыбался, кивал и стрелял глазами по сторонам, извиваясь при этом всем телом.

— Светик, кто это? — спросила его Маруся, когда дама отошла.

— Это крутая баба, — небрежно бросил ей Светик и снова принялся за лосося.

* * *

Марусина мама хотела, чтобы у Маруси был приличный муж, трое детей, два мальчика и девочка, маленький трехэтажный домик с садом, бассейном и видом на море, желательно, на Карибское или Средиземное, а Маруся — «просто Маруся» — сидела бы в этом саду в кресле-качалке и любовалась морским пейзажем, и в это время откуда-то сверху звучала негромкая классическая музыка или же Хулио Иглесиас, этого певца мама очень полюбила, когда жила с отцом в Никарагуа, он тогда там был очень популярен. И тогда она тоже могла бы приехать к Марусе на лето и немного отдохнуть от всего этого говна, которое ее здесь окружало, потому что наши соотечественники, даже если их поселить во дворцы с золотыми дверными ручками и унитазами, как у брунейского султана, они все равно все вокруг обмажут говном и будут жить в говне, в последнее время мама окончательно пришла к такому выводу...

Во время своего последнего приезда в Петербург Пьер жил у Марусиной мамы, у нее была большая трехкомнатная квартира, правда, от центра далековато, но зато метро есть, а Пьер уже знал Петербург довольно хорошо. Маруся встретила Пьера в аэропорту. Пьер был одет в старую рваную куртку, что-то типа ватника, на нем были еще и ватные коричневые штаны и кирзовые сапоги, подаренные кем-то из его жильцов, эти сапоги были надеты на босу ногу, даже портянок не было; а когда он снял куртку и штаны, оказалось, что на нем фланелевые зеленые штаны типа кальсон и фланелевая серая рубаша с начесом без пуговиц, рубаша распахивалась и виднелась красная грудь, густо поросшая седым волосом.

Как только Пьер вошел в комнату, где мама уже накрыла стол, приготовила салатик и еще какие-то экзотические блюда — ей не хотелось ударить в грязь лицом перед гостем из Парижа, — он тут же, дружелюбно улыбаясь, раскрыл свой огромный чемодан со сваленным в кучу грязным тряпьем, порылся в нем, с торжествующим видом извлек оттуда бутылку «Столичной» и протянул ее Марусиной маме.

— Что это такое? — медленно отчеканила она.

— Это водка, очень хороший, дешевый, я купил в самолете, в «Аэрофлоте», всего 40 франков, это ничего, у нас стоит гораздо дороже, очень хороший водка, великолепный! — сказал Пьер и поставил бутылку на стол, уселся сам и тут же, не дожидаясь приглашения, начал накладывать себе салатик.

— Подождите, я не вполне понимаю. — Марусина мама так и осталась стоять посреди комнаты прямо под хрустальной люстрой. — Зачем вы принесли сюда это? — Она указала на бутылку водки.

Пьер уже отвинчивал пробку и торопливо наливал себе в стопку, которую он сам взял тут же в буфете у мамы, самовольно открыв стеклянную дверцу, но после ее слов он вдруг застеснялся и сел смирно, положив на скатерть красные руки с черной каймой под ногтями.

— У нас в семье, вообще-то, не пьют, тем более водку, — строго проговорила мама, глядя прямо на Пьера и как бы гипнотизируя его своим взглядом.

— Да, но ваш муж был моряк, — начал было Пьер, однако мама даже не дала ему закончить фразу.

— Мой муж был ученым, он был кандидат юридических наук, поэтому я очень прошу вас, уберите со стола эту гадость, можете потом сами ее употребить по своему усмотрению...

Мама отвела Пьеру дальнюю комнату, каждое утро он вставал очень рано и, стараясь неслышно пройти по коридору, на цыпочках и в носках пробирался на кухню, ставил себе чайник и варил яичко. Но мама спала очень чутко и всегда слышала каждое его движение. Однажды она вышла из комнаты как раз в тот момент, когда Пьер уже сварил себе яичко и собирался его съесть.

— Что это вы тут делаете? — строго спросила она его. Пьер в ужасе вздрогнул, вскочил с табурета и, зажав яйцо между большим и указательным пальцем, продемонстрировал его маме:

— Вот, яичко...

— А, ну ладно-ладно, не надо так волноваться, яичко так яичко, только газ не забудьте, пожалуйста, выключить.

Стояли сильные морозы, а Пьер оказался одетым очень легко и ужасно мерз, поэтому мама предложила ему старый тулуп, который носил еще Марусин дедушка — он как-то приехал в нем из Жмеринки, да так и оставил здесь, — и еще шапку-ушанку, Пьер очень обрадовался и тулупу, и шапке. Кроме того, мама подарила ему шерстяные носки, старый свитер и кальсоны, чтобы он не замерз, а то еще отморозит себе свои старые причиндалы, он и так ходил, как будто у него геморрой из жопы до колен висел. Соседям, которые интересовались, кто это у нее поселился, Марусина мама тоже сказала, что это родственник Марусинога дедушки, приехал из деревни с Украины, что-то все по магазинам ходит, ищет, и что ему здесь надо, так толком и не говорит. Потом, когда Пьер, уезжая, оставил маме на столе кучу пробных пакетиков с разными кремами и духами, которые во Франции обычно раздавали бесплатно при открытии нового универмага или при презентации новой марки духов или кремов — он всегда привозил кучу таких пакетиков в качестве подарков для своих знакомых, — мама сгребла все эти пакетики в кучу и засунула их Пьеру обратно в чемодан, который еще стоял раскрытым. Пьер пролепетал, что это «подарок», но Марусина мама громко, отчеканивая каждое слово, произнесла:

— Спасибо, оставьте себе, у меня есть мыло, в крайнем случае, я себе куплю, а вам пригодится!

* * *

Маруся ощущала себя как в колбе, она никак не могла вырваться наружу, несмотря на многочисленные ухищрения, все равно она оставалась там, внутри, в полной темноте и мраке, она как будто еще не родилась, а может быть, и не хотела родиться на свет, зачем ей это, если и так ей